

К ИСТОРИИ ВЕЧЕВЫХ КОЛОКОЛОВ

Вечевой колокол давно уже стал символом новгородской вольности: в научной и художественной литературе, в публицистике, в изобразительном искусстве и кинематографе. Тем не менее, при обращении к историографии вопроса или даже непосредственно к источникам оказывается, что ясности тут нет.

Уже Г. Ф. Миллер писал в 1761 г., что в Новгороде «[в]еликой набатной колокол, называемой *Вечной*, почитался защитой города и явным свидетельством народной вольности». На звон колокола собирались люди: «Как скоро в оной ударят, то всякой шёл на большую площадь. Там каждой мог говорить, что он почитает за полезное для общества, и всякому вольно было на всё давать своё мнение. Но сия вольность часто причиняла бунты и вред начальству»¹. В том же духе – хотя и другими словами – писало множество последующих историков, и нет необходимости повторяться. Существующие по сей день представления были «канонизированы» в классических историко-юридических трудах второй половины XIX в. По словам В. И. Сергеевича, «[в] Новгороде и Пскове колокол сделался символом вечевой жизни», а «вследствие вековой практики установился обычай звонить в один определённый колокол». В то же время учёный отмечал, что «[в]ече созывалось двумя способами: колокольным звоном и посредством приглашения через определённых рассыльных»². Почти теми же словами характеризовал созыв веча и М. Ф. Владимирский-Буданов: «*Способ созыва* практиковался двоякий: через биричей (глашатаев) и через колокол; последний способ (наиболее демократический, призывающий всех) утвердился в

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00126а. Предварительный текст обсуждался 12 ноября 2013 г. на заседании Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН. Благодарю всех принимавших участие в обсуждении, особенно: А. А. Горского, В. А. Кучкина, С. В. Полехова, П. С. Стефановича, а также В. Волхонского и А. С. Усачёва за ценные советы и замечания, и С. В. Трояновского за содействие.

¹ Миллер Г. Ф. Избранные труды. Труды по истории, географии и этнографии. М., 2007 [1761]. С. 124.

² Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. II. Вече и князь. Советники князя. М., 2006 [1909]. С. 44–45.

Новгороде»³. А вот как представлял себе дело ещё один видный сторонник «земско-вечевой теории» М. А. Дьяконов: «Обычным способом созыва на вече был колокольный звон... Для этого существовали особые колоколы, именуемые “вѣчными” или “вѣчими”... Вечевой колокол явился поэтому символом вечевых быта»⁴.

В советское время большого внимания интересующей нас проблеме не уделялось. Исключением является статья М. Ф. Мурьянова, специально ей посвящённая⁵. В ней есть интересные наблюдения (особенно касающиеся колокольного звона в южнославянских республиканских городах: Дубровнике, Которе и др.). Эрудиция учёного вне всяких сомнений. В целом, однако, для этой работы характерна эссеистичность: на нескольких страницах походя затрагиваются самые разные сюжеты, вплоть до стихотворения «Вечерний звон» и партитур Рахманинова. Сводка же летописных упоминаний о созыве веча с помощью колокольного звона за XI–XIII вв. неполна и неточна⁶. М. Ф. Мурьянов за это время насчитывает пять таких упоминаний, что, как мы увидим ниже, совершенно неверно.

Вечевым колоколам посвящена глава недавно опубликованной монографии А. Ф. Бондаренко⁷. Хотя в книге собран очень богатый материал по древнерусским колоколам, и в этом смысле она представляет большую ценность, глава «Колокол как атрибут веча» в целом не кажется удачной. Сводка упоминаний о созыве собраний ударом в колокол, формально более полная, также не исчерпывает всех даже хорошо известных свидетельств (исследовательница, например, игнорирует упоминание в «Задонщине», которое отражено в названии знакомой ей статьи М. Ф. Мурьянова). Но главное в другом. Не выдерживает критики подход А. Ф. Бондаренко к источникам. Приведу только два примера (но очень ярких).

По мнению А. Ф. Бондаренко, «о вечевом звоне в Полоцке сохранилось одно-единственное свидетельство». Как будет показано ниже, это не так, но дело в данном случае не в этом. Что же это за свидетельство? Это «сообщение Полоцкой летописи, которая в начале XVIII в. принадлежала П. М. Еропкину», а в реальности – это «татищевское известие», так называемая «Повесть о Святохне», которая, вполне вероятно, является поздним фальсификатом⁸.

---

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005 [Киев, 1908]. С. 78.

⁴ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.; Л., 1926. С. 99.

⁵ Мурьянов М. Ф. «Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде» (Славянские параллели) // Из истории русской культуры. М., 2002 [1973]. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь.

⁶ Мурьянов М. Ф. «Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде». ... С. 938.

⁷ Бондаренко А. Ф. История колоколов России XI–XVII вв. М., 2012. С. 120–133.

⁸ См.: Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005. С. 318–322.

В ряде случаев А. Ф. Бондаренко цитирует известия «Ипатьевской летописи» под 1388, 1418, 1456 гг. ... Между тем известий за XIV–XV вв. в настоящей Ипатьевской летописи нет. На что же ссылается исследовательница колоколов? На второй том Полного собрания русских летописей в двух случаях и на рукопись с шифром «ГПБ.Ф.IV.225» – в одном⁹. Во втором томе ПСРЛ действительно опубликована Ипатьевская летопись, но на указанных А. Ф. Бондаренко столбцах читаются совсем другие летописные статьи. Рукопись ГПБ.Ф.IV.225 – это не Ипатьевская летопись, а Голицынский том Лицевого летописного свода.

В общем, представления, сложившиеся во второй половине XIX – начале XX в. и с тех пор утвердившиеся в историографии, можно свести к идее о том, что в Новгороде вече собиралось по звону специального вечевых колокола, хотя и существовал другой способ его созыва – с помощью глашатаев. Постепенно вечевой колокол превратился в символ новгородской вольности.

Тем не менее, многие важные детали оказались непрояснёнными. Во-первых, не был дан чёткий ответ на вопрос, когда именно вечевой колокол приобрёл в Новгороде своё совершенно особое, символическое значение (возможно, здесь отразилась свойственная историкам права тенденция обращать преимущественное внимание не на эволюцию тех или иных явлений, а на их «институциональную» форму). В частности, неизвестно, к какому именно времени относится практика созыва веча с помощью глашатаев. Во-вторых, осталось непонятным, в чём принципиальное отличие особого вечевых колокола от просто колоколов, с помощью которых, как можно понять из высказываний учёных, также созывались собрания. В-третьих, из этих и других работ неясно, *сколько* было в Новгороде вечевых колоколов. К чему именно относится множественное число в книге М. А. Дьяконова «особые колоколы, именуемые “вѣчными” или “вѣчими”», к новгородским вечевым колоколам или к вечевым колоколам во всех русских землях?

Эта неясность была отмечена в современной литературе. Шведский историк Юнас Гранберг посвятил вечевому колоколу специальный параграф своей монографии. Он критикует (ссылаясь на В. И. Сергеевича) традиционное представление о вечевых колоколах. По его мнению, в источниках есть лишь пять упоминаний вечевых колокола: два в Новгороде (1456 и 1477 гг.), два во Пскове (1510 и 1518 гг.) и одно во Владимире-на-Клязьме (1331 г.). На этом основании Ю. Гранберг сомневается в том, что «это существенное свидетельство в пользу вывода о существовании особого *вечевых* колокола в этих городах», и задаётся вопросом о том, «не могло ли быть так, что любой церковный колокол – в зависимости от ситуации – мог использоваться, когда люди должны были собраться или быть мобилизованными?». Чаще всего, как думает Ю. Гранберг, народ созывали – в Новгороде: колокола Софийского собора и Никольской церкви на Ярославовом дворище, во Пскове: Троиц-

---

⁹ Бондаренко А. Ф. История колоколов... С. 376.

кого собора¹⁰. Более ранние упоминания о созыве веча с помощью звона не дают, по его мнению, оснований об использовании для этого специального вечевого колокола. Ю. Гранберг полагает, что, «по крайней мере, в Новгороде... вече созывалось звоном колоколов многих разных церквей, хотя, как правило, – колоколов храмов св. Софии и св. Николая», а вечевые колокола были в то же время обычными колоколами соответствующих церквей. Специального же вечевого колокола, который бы «использовался только для созыва людей» на вече, не существовало¹¹.

Предложив такую интерпретацию, Ю. Гранберг столкнулся с необходимостью согласовать с ней известный факт вывоза из Новгорода и Пскова вечевых колоколов московскими властями соответственно в 1478 и 1510 гг. Он признаёт, что эти акции носили символический характер, но что именно они символизировали? Ю. Гранберг отвечает на этот вопрос так: «Снятие колокола с главного храма и наименование его “вечевым колоколом”, по-видимому, было важным символическим актом во время запрещения веча»¹². Не вдаваясь в детали (о них будет говориться ниже), можно отметить, что это объяснение представляется туманным, внутренне противоречивым и крайне сомнительным. Смысл действий Москвы остаётся неясным. Если для созыва веча можно было, в принципе, использовать любой колокол, то какой смысл в изъятии какого-то одного из них? Почему тогда не были увезены вообще все колокола? Тем не менее, Ю. Гранберг справедливо обратил внимание на то, что в предшествующей историографии наличие вечевых колоколов воспринималось как нечто совершенно ясное и как особая проблема почти никогда специально не рассматривалось. Ничего нового в данном случае не было привнесено и советской историографией, которая больше интересовалась социальными аспектами веча, чем его формальной стороной (ср. статью «Вече» в «Советской исторической энциклопедии»: «Вечевые собрания созывались обычно по звону вечевого колокола по инициативе власти или самого населения»¹³). Между тем, как уже говорилось, тенденция к абстрактно-юридическому подходу, проявлявшаяся даже в лучших работах второй половины XIX – начала XX в. (например, В. И. Сергеевича), ограничивала возможности изучения исторического развития интересующего нас явления.

Поэтому необходимо новое обращение к проблеме (а то, что данный сюжет является именно проблемой, стало вполне очевидным после появления монографии Ю. Гранберга). Предполагается последовательно проанализировать все прямые и косвенные свидетельства о способах созыва веча и на основании полученных результатов предложить ин-

---

¹⁰ *Granberg J. Veche in the Chronicles of Medieval Rus. A Study of Functions and Terminology.* Göteborg, 2004 (Dissertations from the Department of History, Göteborg University 39). P. 193.

¹¹ *Ibid.* P. 194–197.

¹² *Ibid.* P. 197–198.

¹³ *Сахаров А. М. Вече // Советская историческая энциклопедия.* М., 1963. Т. 3. Стб. 411.

терпретацию, которая могла бы непротиворечиво объяснить имеющуюся на сегодняшний день совокупность данных. При этом учитываться будут не только новгородские свидетельства, но и данные по другим русским землям, поскольку проблема вечевых колоколов не может быть ограничена только одной из них: требуется комплексная интерпретация всех наличных фактов.

В основу исследования положены данные письменных источников. Вещественные источники (колокола и их фрагменты; колоколосущие сооружения и их остатки) сами по себе не могут дать материала, позволяющего судить о социально-политической функции колоколов. Более сложно обстоит дело с изобразительными источниками. В Лицевом летописном своде (далее – ЛЛС) есть около десятка миниатюр, на которых изображён вечевой колокол (обычно изображается созыв веча, но есть и иллюстрации увоза вечевых колоколов из Новгорода и Пскова)¹⁴. Во-первых, однако, ЛЛС датируется 60–70-ми гг. XVI в.¹⁵, и миниатюристы, работавшие в Александровской слободе по заказу Ивана Грозного через десятки лет после того, как Новгород и Псков были лишены своих вечевых колоколов, вряд ли хорошо представляли себе, как именно выглядели эти артефакты в их «естественной» среде. В литературе высказывались предположения о том, что у художников, иллюстрировавших ЛЛС, были в качестве образцов миниатюры более раннего времени¹⁶, но текстологических подтверждений этого нет¹⁷, поэтому отсутствуют гарантии того, что миниатюристы не изображали под видом более ранних современные им объекты. Применительно к колоколосущим сооружениям это отмечает современная исследовательница: «...несмотря на довольно широкий временной диапазон, типология многих звонниц и колоколен, размещённых на рисунках [ЛЛС], иллюстрирующих события XII–XV вв., как правило, не соответствует архитектурным особенностям указанного хронологического периода. Ввиду этого отождествлять эти здания с постройками, существовавшими ранее XVI в., в каждом отдельном случае надо предельно осторожно». И далее: «В случае отсутствия дополнительных данных колоколосущие сооружения, изображённые на миниатюрах Лицевого летописного свода, *следует считать относящимися к XVI в.* (курсив мой. – П. Л.)»¹⁸. Во-вторых, миниатюры ЛЛС далеки от реализма и отличаются условностью изображений (на основании самих изображений часто даже нельзя понять, какой город изображается, не говоря уже о деталях микрогеографии). Сказанное не означает, разумеется, того, что автор этих строк

---

¹⁴ Бондаренко А. Ф. История колоколов... С. 134–176.

¹⁵ См.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1984. С. 206–252.

¹⁶ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 2004 [1944]. С. 80, 92.

¹⁷ См. об этом: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 105–106.

¹⁸ Бондаренко А. Ф. История колоколов... С. 176.

a priori отрицает возможность использования ЛЛС для реконструкции материальной культуры раннего времени: речь идёт лишь о том, что у него нет необходимого инструментария, который позволил бы осуществить её с необходимой степенью верифицируемости.

М. Ф. Мурьянов считает хронологически первым свидетельством о созыве веча с помощью колокольного звона упоминание в статье «Повести временных лет» под 1097/8 г., в которой содержится «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского». Учёный ссылается на Ипатьевскую летопись (далее – Ип.), где, по его утверждению, читается «созвониша [вече]»¹⁹. Речь идёт о собрании жителей Владимира Волынского. На самом деле, в Ип. читается: «Гражани же ... *созваша* (курсив мой. – П. Л.) вѣче»²⁰. «Созвониша» – это исправление, сделанное неизвестно когда в Ипатьевском списке Ип.²¹ В других, опубликованных полностью или в разночтениях списках Ип., Хлебниковском и Ермолаевском, также читается «созваша»²². «Созваша вѣче» читается и в Лавр., и в родственных ей летописях²³. М. Ф. Мурьянов, таким образом, принял за первое свидетельство о вечевом колокольном звоне позднее и заведомо недостоверное исправление.

В 1149 г.²⁴ князь Изяслав Мстиславич со своим сыном Ярославом прибыли в Новгород «и посласта подвоискѣи и биричѣ по улицамъ кликати, зовучи къ князю на объѣдъ от мала и до велика, и тако объдавше, веселишася радостью великою, честию разидошася въ своя дома. На утрии же день пославъ Изяславъ на Ярославль дворъ, и повелѣ звонити, и тако Новгородци и Плесковичи снидошася на вѣче»²⁵.

Новгородцев собирают дважды: сначала с помощью рассылки глашатаев, подвойских и биричей; потом – колокольным звоном. На основании этого делался вывод о том, что вече могли созывать разными способами – не только колокольным звоном, но и путём рассылки глашатаев²⁶. Такой вывод, однако, оказывается следствием недоразумения. Биричи и подвойские созывали людей на *пир*, а собравшееся на следующий день *вече* было созвано с помощью колокольного звона. Забегая вперёд, отметим: поскольку других свидетельств о созыве веча глашатаями нет, то приходится констатировать, что в настоящее время засвидетельствован лишь один способ его созыва – ударом в колокол (колокола).

Звонить (в колокола или в колокол) приказывает князь, это его инициатива, а не самих новгородцев. Такая ситуация была характерна

---

¹⁹ Мурьянов М. Ф. «Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде» ... С. 938.

²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 242.

²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 242–243, примечания.

²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 242–243; Приложение. С. 19.

²³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 268.

²⁴ О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 61, 147–148, 312.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 369–370.

²⁶ См.: Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. II. С. 44–45; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 78.

для раннего (домонгольского) времени. Вече собирается на Ярославовом дворе на Торговой стороне Новгорода, следовательно, колокола (колокол) должны были находиться где-то рядом с местом собрания.

Именно это свидетельство и надо считать самым ранним указанием на созыв вече с помощью колокольного звона. Оно сохранилось в составе «Киевского свода», одного из источников Ип. По поводу датировки «Киевского свода» идёт дискуссия, однако наиболее убедительно обоснованной выглядит датировка, предложенная ещё А. А. Шахматовым – 1198/99 г.²⁷ Таким образом, известие под 1149 г. представляет собой самую раннюю фиксацию интересующего нас ритуала, как с точки зрения хронологии событий, так и с точки зрения истории летописания. Ранее этого времени колокольный звон в связи с вечерними собраниями не в источниках не упоминается.

Под «звонити» («созвониша» и т. д.) здесь и далее надо подразумевать именно колокольный звон. В Византии для созыва людей на богослужение обычно использовались не колокола, а т. н. «била», на Руси же (как и в Западной Европе) для этой цели служили колокола²⁸.

Уже в развалинах Десятинной церкви во время раскопок было обнаружено два колокола; колокола или их обломки домонгольского времени найдены и в Киеве, и в Новгороде²⁹. Где именно крепились колокола, для раннего времени точно неизвестно. А. Ф. Бондаренко считает, что, поскольку данных о существовании для того времени колоколонесущих сооружений нет, колокола могли размещаться в арках в стенах башен или над западным входом³⁰. Позднее, по-видимому, в конце XV – начале XVI в., появляются настенные звонницы. До нашего времени сохранились в основном псковские звонницы (ни одна из них, впрочем, не может быть датирована временем ранее XVI в.), которые, как правило, устанавливались на церковных стенах. В начале XVI в. появляются и колокольни на столбах, стоящие на особых фундаментах.

---

²⁷ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 70–71, 79. См. также: Гиппиус А. А. К вопросу о контактах региональных традиций в русском летописании первой трети XIII в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 14–17 апреля 2009 г. Материалы конференции. М., 2009. С. 75–76.

²⁸ См.: Мурьянов М. Ф. «Звонят колоколы вечныя в Великом Новегороде»... С. 939. М. Ф. Мурьянов ссылается, в частности, на очень красноречивое место из «Хождения в Царьград» Добрыни Ядрейковича (новгородского архиепископа Антония), которое имеет смысл процитировать полностью: «...а колокола [греки] не держатъ во святѣи Софѣи, но билцо мало въ руцѣ держа, клеплють на заутрени, а на обѣдни и на вечерни не клеплють. А по инымъ церквамъ клеплють а на обѣдни и на вечерни; било же держатъ по аггелову учению; а въ колокола Латыни звонятъ» (Книга Паломник. Сказание мест святых в Цареграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 году / Под ред. Хр. М. Лопарева. СПб., 1899 (Православный Палестинский сборник. Т. XVII. Вып. 3). С. 18).

²⁹ См.: Бондаренко А. Ф. История колоколов..., особенно: С. 71–85.

³⁰ Бондаренко А. Ф. История колоколов... С. 86–94.

Первоначально они представляли собой пристройки к храмовым зданиям³¹.

Есть очень ранние упоминания о церковных колоколах и в письменных источниках. Как отмечено в Синодальном списке НПЛ под 1066/7 г.³², полоцкий князь Всеслав Брючиславич «възя Новгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софие»³³. По поводу происхождения ранних, уникальных (по отношению к «Повести временных лет») известий НПЛ ст. высказывались самые разные мнения, но в настоящее время существуют две основные гипотезы: либо это были краткие выписки из версии начальной летописи, предшествовавшей ПВЛ³⁴; либо это были древние новгородские записи анналистического характера, возможно, современные соответствующим событиям³⁵. В обоих случаях речь идёт о весьма раннем и достоверном свидетельстве.

В 1212 г.³⁶ другой князь, Мстислав Мстиславич Удатный, также обратился за помощью к новгородцам: «Мъстиславъ же созвони вѣче на Ярославлѣ дворѣ и поча звати новгородци къ Киеву на Всеволода на Чермьнаго»³⁷. Тут также инициатором созыва вече с помощью колокольного звона выступает князь, и вече вновь собирается на Ярославовом дворе. Так это известие читается, однако, в НПЛ мл. В более раннем Синодальном списке НПЛ (НПЛ ст.) вместо «созвони» читается «съзва вѣче»³⁸ (без указания на способ созыва). Упоминание в более позднем источнике о колокольном звоне вполне может быть интерпретацией *ex post*.

Чрезвычайно интересное для нашей темы известие читается в НПЛ под 1218 г.³⁹ Во время одного из внутренних конфликтов в Новгороде произошёл раскол, «и възвониша у святого Николы онипологици чересь ночь, а Неревьскыи коньчъ у Святыхъ 40, такоже копяче люди на Твърдислава [Михайловича, посадника]»⁴⁰. Речь идёт именно о вече, так как ниже читаем следующий комментарий летописца по поводу этих собраний: «...и тако быша вѣча по всю недѣлю»⁴¹. Оба вечевых собрания были созданы самими их участниками с помощью

---

³¹ См.: *Кавельмахер В. В.* Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола. История и современность. М., 1985. С. 56–57.

³² О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 227.

³³ ПСРЛ. Т. III. С. 17.

³⁴ См., например: *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 13–14.

³⁵ См., например: *Гимон Т. В.* События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 г. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 636.

³⁶ О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 256–257.

³⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 251.

³⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 53.

³⁹ О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 259.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 58. Ср. в НПЛ мл.: «съзвониша вѣче» (ПСРЛ. Т. III. С. 259); в ННВ: «возвониша вече» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 198).

⁴¹ ПСРЛ. Т. III. С. 59.

колокольного звона (и это – хронологически первое подобное свидетельство). «Ониполовичи», т. е. жители Торговой стороны, были созданы колоколом Никольской церкви на Ярославом дворе, жители Неревского конца – церкви свв. Сорока мучеников Севастийских. Ни тот, ни другой «вечевым» колоколом не назван, из текста не вытекает, что один колокол считался «законным», а другой – «незаконным». Беспристрастный тон летописца заставляет думать, что, в принципе, вече могло быть созвано по звону любого церковного колокола, во всяком случае, колокола значимого для новгородского общества храма. Это означает, что конкретного веча как символа новгородской вольности ещё в то время не существовало.

Под 1262 г.⁴² в некоторых летописях говорится о созыве веча с помощью звона колоколов в ряде городов Северо-Восточной Руси, в результате чего оттуда были изгнаны бесурмене (бесермене) – купцы, откупавшие монгольскую дань. В Софийской I летописи (далее – С1) и Московском летописном своде (далее – МЛС) говорится, что люди «Ростовския земля... не терпящих насилия от поганыхъ, и съзвониша вѣче [С1, в МЛС: и созвонивше вѣче], и выгнаша я из городовъ, из Ростова, из Володимеря, изъ Суждаля, изъ Ярославля, ис Переяславля»⁴³. Однако оба этих известия не являются наиболее ранними сообщениями о восстаниях против бесермен. Таким сообщением является известие Лаврентьевской летописи (далее – Лавр.): люди «Ростовския земля... не терпяще насилия поганыхъ, изволиша вѣчь, и выгнаша из городовъ: из Ростова, изъ Володимеря, ис Суждаля, изъ Ярославля»⁴⁴ (Переяславль в Лавр. не упоминается).

Ю. Гранберг пишет, что о событиях 1262 г. рассказывают «семь летописей»: Лавр., Московско-Академическая (далее – А.), С1, Новгородская IV (далее – НIV), Новгородская Карамзинская 2-й выборки (далее – НК-2), Летопись Авраамки (далее – ЛА), МЛС⁴⁵. При этом он рассматривает их показания как равноправные. Между тем, не говоря уже о том, что известия о восстании против бесермен читаются и в других летописях (например, в Рогожском летописце (далее – Рог.)⁴⁶, Тверском сборнике⁴⁷, Симеоновской (далее – Сим.)⁴⁸ и Типографской⁴⁹ летописях, Сокращённых летописных сводах⁵⁰), расценивать известия этих семи летописей в качестве равноправных – неверно. А. на интересующем нас участке представляет собой краткий ростовский свод, имевший общий источник с Троицкой (далее – Тр.), в которой это известие, видимо, то-

---

⁴² О дате см.: *Бережков Н. Г. Хронология...* С. 114.

⁴³ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 336; Т. XXV. С. 144.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 476.

⁴⁵ *Granberg J. Veche in the Chronicles...* P. 142–143.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 32.

⁴⁷ Там же. Стб. 402.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 72.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 98.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. XXVII. С. 235, 321, 339.

же читалось⁵¹, и родственными ей летописями⁵² и также в конечном счёте восходила к владимирскому своду 1305 г.⁵³ Можно думать, что именно в этом своде и появилось это известие. СІ, НІV, НК имеют в своей основе общий источник – «Новгородско-Софийский свод» 1-й половины XV в. (далее – НСС). Известие о событиях 1262 г. в НСС восходило к Лавр.⁵⁴ ЛА на этом участке основывается на НІV, а через неё – также на НСС⁵⁵. Особая обработка НСС отразилась и в МЛС на участке от её начала до 1418 г.⁵⁶ Таким образом, оказывается, что известия всех этих «семи летописей» под 1262 г. не представляют собой независимые варианты рассказа об этих событиях, но, скорее всего, восходят к одному и тому же тексту, читавшемуся во владимирском своде 1305 г. Поэтому обращение к поздним в текстологическом отношении летописям выглядит здесь излишним. Нельзя, впрочем, полностью исключать, что отдельные более верные чтения могли оказаться не в ранней Лавр., а в позднейших текстах, восходящих к НСС, что может касаться и интересующего нас разночтения «изволиша»/«съзвониша», а также упоминания Переяславля Суздальского. Более вероятно, однако, сохранение верного чтения в Лавр. Уникальное вроде бы сочетание «изволиша вѣчь» не является между тем, по-видимому, следствием какого-то сбоя или ошибки. Точное значение глагола «изволити» в данном случае определить трудно, ближе всего по контексту значение «избрать ч.-л.»⁵⁷, и понимать соответствующее выражение нужно, видимо, как «решили собрать вече», где «вѣчь» – винительный результата⁵⁸. «Вѣчь» – винительный падеж ед. ч. существительного ж. р. «вѣчь» (то же, что и «вѣче»⁵⁹), а не родительный падеж мн. ч., как думает К. Цернак, делая отсюда далеко идущие выводы исторического характера⁶⁰.

Вероятнее всего, таким образом, что в первоначальном рассказе о событиях 1262 г. о созыве вечевых собраний с помощью колокольного звона не говорилось, а «съзвониша» более поздних летописей – переосмысление, характерное для той эпохи, когда, как мы увидим ниже, вечевой колокол – там, где вече сохранялось – превратился уже в неотъемлемый символ городского собрания – для XV в. Именно этим време-

⁵¹ См.: *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 327.

⁵² *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 44–45.

⁵³ Там же. С. 58, схема.

⁵⁴ Там же. С. 95, сноска.

⁵⁵ *Лурье Я. С.* Авраамка // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1. С. 5.

⁵⁶ *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 154–156.

⁵⁷ См.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.).* М., 1990. Т. III. С. 475.

⁵⁸ Благодарю за консультацию В. Б. Крысько.

⁵⁹ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I. Стб. 501; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975. Вып. 2. С. 132.

⁶⁰ *Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 33). S. 106.

нем с большой долей вероятности нужно датировать свидетельство о том, что «по всѣм градом рускым» вече именно созванивали, и его следует расценивать не как описание реального способа созыва вечевых собраний в 1262 г., а как свидетельство о том, как это себе – в соответствии с привычными реалиями своей эпохи – представляли книжники гораздо более позднего времени.

В 1270/1 г.⁶¹ новгородцы решили выгнать князя Ярослава Ярославича: «...бысть мятежь в Новѣгородѣ: начаша изгонити князя Ярослава из города, и съзвониша въче на Ярославли дворѣ...»⁶². Новгородцы собирают вече на Ярославовом дворище с помощью звона колокола, очевидно – колокола Николо-Дворищенской церкви. Колокол этот «вечевым» не называется.

В 1290 г.⁶³ во время внутреннего конфликта в Новгороде «[н]овгородци ... съзвониша въче у святѣи Софѣи и у святого Николы, снидошася в доспѣть...»⁶⁴. Вечевые собрания созываются новгородцами сразу в двух местах: на площади у Софийского собора и на Ярославовом дворище, у Никольского храма. Эти вече «созвонили», т. е. собрали их с помощью колокольного звона. Это означает, что для их созыва использовались колокола Софийского собора и Никольской церкви. «Вечевой» колокол по-прежнему не упоминается.

Под 1299 г.⁶⁵ в НПЛ говорится об избрании нового архиепископа после смерти предыдущего: «По преставлении же Климонтовѣ новгородци, много гадавшѣ с посадникомъ Андрѣемъ, възлюбиша вси богомъ назнаменана мужа добра и смѣрена Феоктиста, игумена святого Благовѣщения; и съзвонивше въче у святой Софѣи, князь Борисъ Андрѣевич со всѣми новгородци въведоша его с поклономъ, и посадиша и въ владычн дворѣ...»⁶⁶. Собрание по избранию нового владыки происходит, как обычно, на площади у Софийского собора, его участники сходятся на звон колокола, очевидно, того же Софийского собора. «Вечевым» этот колокол не называется.

В 1316/7 г.⁶⁷ новгородцы «яша» некого Игната Беска обвинили его в «перевете» (измене), «биша и на вѣчи, и свергоша и с моста въ Волховъ»⁶⁸. Так рассказывается в НПЛ. Примерно то же самое (но в сокращѣнном виде) читаем и в НІВ⁶⁹. В СІ – вместо «биша и на вѣчи» – «...и съзвониша въче на Ярославлѣ [дворѣ]»⁷⁰. «Съзвониша въче» оказывается индивидуальным чтением СІ, появившимся не ранее XV в. и не отра-

---

⁶¹ О дате см.: *Бережков Н. Г. Хронология...* С. 273.

⁶² ПСРЛ. Т. III. С. 88.

⁶³ О дате см.: *Бережков Н. Г. Хронология...* С. 290.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 326.

⁶⁵ О дате см.: *Бережков Н. Г. Хронология...* С. 276.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 90.

⁶⁷ О дате см.: *Бережков Н. Г. Хронология...* С. 274.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 95.

⁶⁹ См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 256.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 374.

жающим непосредственно реалии начала XIV в., а представления о них людей, живших значительно позднее.

Свидетельство о колокольном звоне, созывавшем людей на вече, содержится в т. н. I Повести об антитатарском восстании в Твери в 1327 г. (во II Повести ни о вече, ни колокольном звоне не говорится, а сами события изображаются не как восстания, а как действия, инициированные тверским князем Александром Михайловичем⁷¹). Есть все основания считать, что текст с упоминанием веча в Твери принадлежал очевидцу событий и, во всяком случае, был записан по горячим следам⁷². Протестуя против татарских насилий, «сътекошася челоуѣци и смятошася людие и удариша въ вся колоколы и сташа вечемъ, и поворотися градъ весь и весь народъ въ томъ часъ събрася и бысть в нихъ замятня...»⁷³. Тверичи собрали вече с помощью колокольного звона, но звонили они не в специальный вечевой колокол, а – что ясно следует из летописного текста – во все церковные колокола, поскольку ставилась задача позвать как можно больше людей.

Может также сложиться впечатление, что тверичи сначала собрались, а потом уже ударили в колокола, но, скорее всего, мы здесь имеем дело с особенностями изложения: «челоуѣци» и «людие» выступили в роли стихийных организаторов веча, на которое – по звону колоколов – собрался «градъ весь и весь народъ».

В связи с этим имеет смысл коснуться ещё одного тверского известия, на основании которого иногда делается вывод о наличии в Твери особого вечевого колокола. Под 1339/40 г.⁷⁴ читаем в Рог. о том, как московский и владимирский великий князь Иван Калита («въ Тѣри отъ святаго Спаса взявъ колоколь на Москву»⁷⁵). Конечно, соблазнительно было бы видеть в этой акции предвестие тех акций в отношении местных вечевых колоколов, которые впоследствии предпринимали московские власти, но прямых подтверждений такого предположения нет. В тверском рассказе о восстании 1327 г., как уже говорилось, речь идёт не о каком-то конкретном колоколе, а о звоне во все колокола, очевидно, церковные. В известии 1339/40 г. увезённый колокол вечевым не назван – в отличие от всех подобных известий (см. ниже). Кажущаяся естественной гипотеза о том, что увоз москвичами тверского колокола был своего рода символической мезью за восстание, также сталкивается с противоречиями. Такая акция имела бы смысл сразу после его подавления, но между восстанием и изъятием колокола прошло более десяти лет. В общем, хотя это известие, в самом деле, напоминает ряд после-

---

⁷¹ Ср.: ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 16; Вып. 2. С. 90; Т. IV. Ч. 1. С. 261; Т. XLII. С. 124.

⁷² См.: *Fennell J. L. I. The Tvef Uprising of 1327: A Study of the Sources // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1967. Bd. 15. Heft 2. P. 162–166; Коняевская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007. С. 83–87.*

⁷³ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 43; Там же. Стб. 416.

⁷⁴ О дате см.: *Гришина Н. Г. Хронология Рогожского летописца: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 368.*

⁷⁵ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 52.

дующих рассказов об изъятии московскими властями вечевых колоколов из городов, которые они стремились подчинить, здесь следует соблюдать осторожность. Нельзя исключать, что в данном случае был снят не вечевой, а «обычный» колокол главного тверского храма, может быть, самый большой, звучный, значимый для тверичей. Нет ничего невероятного и в том, что как таковой он мог активно использоваться во время созыва веча в 1327 г., но, повторим, твёрдых данных за то, чтобы считать его специально вечевым, – нет.

Важнейшим, этапным моментом надо признать появление специального термина, обозначавшего тот колокол, звон которого собирал вечников, – «вечный» или «вечю» колокол. Причём, как выясняется, «вечные» колокола были не только в Новгороде, но и в других городах, и не только в «республиканских». Так, в перечне «А се князи Русьстии», сохранившемся в составе новгородских летописей, рассказывается о том, как суздальский князь Александр Васильевич хотел вывезти «вѣчныи колоколь» из Владимира-на-Клязьме в Суздаль, но там он не зазвонил: «Сии князь Александръ из Володимеря вѣчныи колоколь [Успенского собора] святѣи Богородици возилъ въ Суждаль, и колоколь не почялъ звонити, якоже былъ в Володимерѣ; и помысли в себѣ князь Александръ, яко съгруби святѣи Богородици, и повелѣ его паки вести въ Володимеръ; и привезъше колоколь, поставиши и въ свое мѣсто, и паки бысть гласъ богуугодень»⁷⁶. Речь идёт о периоде между

---

⁷⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 469. В источниковедческом отношении перечень изучен недостаточно. Его ныне существующий вариант датируется 1417–1425 гг. (*Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СССXXXVIII. 1901. Ноябрь. С. 61; историографию вопроса см. в: *Усачёв А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Махария. М.; СПб., 2009. С. 88–89). Не исключено, однако, что – как и другие перечни, сохранившиеся в новгородских летописях – этот текст не был составлен одномоментно. Об этом может косвенно свидетельствовать акцентирование в нём роли Ивана Калиты, а также некоторые другие данные (последним из колена суздальских князей назван Дмитрий Константинович; не упомянуты тверские князья после разорения Твери в 1327 г.; в конце читается странный пассаж о том, что к моменту смерти сына московского великого князя Василия Дмитриевича Ивана «тогда минуло великому князю Ивану Данильевичу 100 лѣтъ и 8» (ПСРЛ. Т. III. С. 469)). Это заставляет думать, что какой-то более ранний вариант этого текста мог возникнуть в XIV в. с целью прославления Ивана Калиты как преемника владимирских князей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. О месте возникновения этого памятника высказывались разные точки зрения. Тот факт, что он сохранился в новгородском летописании, не свидетельствует однозначно в пользу новгородского происхождения памятника. В пользу этого, впрочем, могут говорить упоминания Новгорода в позитивном контексте: специально подчёркивается связь с ним прославляемых автором Ярослава Всеволодича и Ивана Калиты. Это может указывать на промосковски настроенные новгородские круги. Нельзя, впрочем, исключать и предположения В. А. Кучкина о том, что эта запись была сделана при митрополичьем дворе (*Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 140). Во всяком случае, возникновение его в церковной среде более чем вероятно. Трудно согласиться с мнением о «проростовской тенденции» текста, направленной на возвеличивание Всеволода Большое Гнездо и принижение заслуг Андрея Боголюбского (*Кузнецов А. А.*

первой половиной 1328 г. (когда Владимирское княжество было разделено между Иваном Калитой и Александром Суздальским) и концом 1330 – началом 1331 г. (когда Александр умер)⁷⁷. Скорее всего, событие следует датировать началом этого периода – 1328 г.: именно сразу после обретения князем Александром нового статуса был уместен подобный демонстративный акт.

Историки часто склонны довольно легкомысленно относиться к этому рассказу. Дж. Феннел, например, называет его «короткой забавной историей» (a short anecdote) и, пересказав его, никак не комментирует, хотя довольно подробно пишет о разделении Владимирского княжества⁷⁸. Между тем ничего анекдотического в этом рассказе нет – увоз вечевого колокола был, как мы увидим ниже, вполне серьёзным символическим актом, имевшим конкретное политическое значение. Достоверность же его подтверждается достоверностью самого указания на раздел Владимирского великого княжества⁷⁹.

По мнению Ю. Гранберга, «очевидно, что этот колокол имел, скорее, религиозное, чем политическое значение»⁸⁰. Доказательства следующие: «богоугодный голос» колокола вернулся после того, как он возвратился во Владимир; «обычно утверждается» (кем?), «что, когда Владимир стал центром власти, это означало конец *веча* в Суздальских землях»⁸¹. В другом месте Ю. Гранберг утверждает, что «[э]то сообщение совершенно загадочно»⁸².

Представляется, однако, что, во-первых, ничего особенно загадочного в этом известии нет, во-вторых, интерпретация Ю. Гранберга – надуманна и искусственна.

«Вечный колокол» – это именно *вечевой* колокол, а не «вечный» в смысле «никогда не умирающий» – по странному толкованию автора XVIII в. де Лизакевича, с чем совершенно справедливо согласен и Ю. Гранберг. Но если так, то как вечевой колокол, т. е. колокол, созывающий владимирцев на собрания, отнюдь не религиозного характера, может иметь «скорее религиозное» значение? Что касается второго тезиса шведского историка, то это – типичный «круговой аргу-

---

Летописная полемика о числе куполов Успенского собора // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2010. Вып. 1). Ростов упомянут в тексте лишь однажды – в связи с распределением княжеских столов Всеволодом Юрьевичем, причём сначала назван Новгород, куда отправился Ярослав, а только потом – Ростов и ростовский князь Константин (ПСРЛ. Т. III. С. 468). Ни о каком принижении заслуг Андрея Боголюбского не может быть и речи: вся первая часть текста представляет собой посвящённый ему панегирик.

⁷⁷ См.: Кучкин В. А. Формирование... С. 140–141.

⁷⁸ Fennell J. L. I. The Emergence of Moscow. 1304–1359. London, 1968. P. 112–113.

⁷⁹ См. об этом: Насонов А. Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 96–97.

⁸⁰ Granberg J. Veche in the Chronicles... P. 195.

⁸¹ Ibid.

⁸² Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 132.

мент): одно неизвестное объясняется через другое. Мы слишком мало знаем о внутривластном устройстве Владимира-на-Клязьме в первой половине XIV в. Утверждать, что вече тогда во Владимире не собиралось, невозможно. В более раннее время, когда Владимир уже, безусловно, был центром власти, его жители сходились на политические собрания, наиболее ярким свидетельством чего являются упоминания в рассказе о борьбе за власть во Владимире в 70-е гг. XII в. А. Н. Насонов ещё в работе, изданной в 20-е гг. прошлого века, писал: «Та литературная традиция, корни которой восходят к древне-московской концепции “Белой Руси”, и согласно которой в Ростов-Суздальском крае XII в. благодаря организаторской деятельности князей создаётся “особый мир”, где князь попадает в положение хозяина и собственника – не оправдывается показаниями источников. На севере в XII и в начале XIII в. начинают проявляться бытовые черты старой вечевой Киевской Руси, в основе своей общие укладу жизни всех волостей того времени, получавшие в различных волостях лишь различную степень и форму выражения в зависимости от местных индивидуальных условий волостной жизни»⁸³. Вече во Владимире собиралось, как мы помним, ещё в 1262 г., и для его созыва вполне мог использоваться тот самый вечевой колокол, о котором идёт речь в перечне (или его предшественник).

Ю. Гранберг прав только в том, что определённое религиозное значение владимирский вечевой колокол имел: это был колокол «Св. Богородицы», т. е. Успенского собора и, скорее всего, использовался не только для созыва веча, но и в чисто церковных нуждах. Тем не менее, его изъятие суздальским князем может быть объяснено только как некий символический акт – попытку лишить Владимира символа его вольностей, символа его статуса в Северо-Восточной Руси, и перенести этот символ – а значит и статус – в родной для князя Суздаль. В этом смысле это предвестие тех акций, которые будут значительно позднее предпринимать московские князья в отношении вечевых колоколов Новгорода и Пскова. Что именно помешало князю Александру реализовать его замысел, сказать трудно. Может быть, действительно с колоколом что-то произошло, или акустические условия в Суздале были другими, и он не звонил так, как это было нужно. Может быть, лаконичное свидетельство скрывает какой-то политический конфликт, и суздальцы вынуждены были вернуть колокол, опасаясь возмущения владимирцев. Так или иначе, речь идёт не о чём-то загадочном, а о политическом символе, насильственное изъятие которого отражало реальное подчинение, чему в Средние века есть множество параллелей. Вероятно, самая известная параллель – это Скунский камень, на кото-

---

⁸³ Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Пг., 1924. С. 27 и passim. См. также: Лимонов Ю. А. Владимир-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 117–149. Ни та, ни другая работа Ю. Гранбергу неизвестны, результатом чего являются суждения, давно опровергнутые в науке.

ром короновали королей Шотландии до тех пор, пока английский король Эдуард I в 1296 г. не перевёз его в Лондон, в Вестминстерское аббатство, где он находился вплоть до 1996 г. Эдуард I символически подарил этот камень и другие шотландские королевские инсигнии (скипетр и корону) своему небесному покровителю св. Эдуарду Исповеднику, а затем, в конце 90-х гг. XIII в., он был встроен в коронационное кресло английских королей, причём так, что короли, сидя на троне, возвышались над ним⁸⁴. Смысл подобных акций очевиден: присвоение символов означало покорение противника.

Вернёмся в Новгород. О том, что вече «созванивали», возможно, знали и немецкие купцы. В документе 1331 г. сказано, что *de ruscen*, русские (т. е. новгородцы) «*ludden ... eyn dinc*»⁸⁵. «*De klokke luden*» означает «звонить, бить в колокол(а)» (также при эллипсисе объекта), т. е. даже когда колокол прямо не упоминается (!). Это относится и к созыву собраний, совещаний: «*deme rade luden*» – это «созвать совет с помощью колокольного звона»⁸⁶. Таким образом, данная фраза должна, скорее всего, передаваться по-русски, как «русские созвонили вече».

В документе, который предположительно датируется 1337 г., сначала говорится, что в возникшей между немцами и новгородцами конфликтной ситуации новгородцы грозили «созвонить вече и привести» своих немецких обидчиков «туда силой» (*wille wi eyñ dinc slan, und neuyñmen se in mith ghewelde*). Затем сообщается, что утром «они» (т. е. новгородцы) действительно «созвонили вече» (*[d]es morghens sloghen se eyñ dinc*)⁸⁷. Средненижнегерманский глагол *slan* вообще означает «бить, ударять». Применительно к созыву собраний он мог использоваться, как отмечают немецкие лексикографы, «в сильно ослабленном значении», так что «*eyñ dinc slan*» могло означать просто «провести собрание» (*Versammlung abhalten*). С другой стороны, тот же глагол использовался и применительно к извлечению звуков из музыкальных инструментов, в т. ч. из колокола (*de klokke slan = die Glocke läuten = «звонить в колокол»*)⁸⁸, т. е. также подразумевать созыв вечевого собрания с помощью колокола.

В 1343 г.⁸⁹ после того, как в Новгороде стало известно о гибели в Заволочье боярина Луки Варфоломеевича, начались волнения среди чёрных людей: «...въсташа чорныи люди на Ондрьшка, на Федора на

---

⁸⁴ См.: *Barrow G. W. S. The Coronation Stone of Scotland // Der Kärntner Fürstenstein im Europäischen Vergleich. Tagungsbericht Symposium Gmünd 20. Bis 22. September, 1996. Gmünd, 1997. S. 209–211, S. 210, рис. III. 3.*

⁸⁵ *Napiersky K. E. Russisch-livländische Urkunden (Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским). СПб., 1868 (далее – РЛА). № 75. С. 56.*

⁸⁶ *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch (далее – MHWB) / hrsg. von D. Möhn. Neumünster, 2004. Bd. II. T. I. Sp. 869.*

⁸⁷ *Hansisches Urkundenbuch / bearb. von K. Höhlbaum. Halle, 1879. Bd. II. № 614. S. 270.*

⁸⁸ *MHWB / begr. von A. Lasch und C. Borchling, hrsg. von G. Kordes. Neumünster, 1961. Bd. III. Lfg. 14. Sp. 256.*

⁸⁹ О дате см.: *Бережков Н. Г. Хронология... С. 297.*

посадника Данилова, а ркуци, яко тѣ заслаша на Луку убити; и пограбиша ихъ дома и села... И в то время прииха Онцифоръ [Лукинич], би чоломъ Новуграду на Федора и на Ондръшка... И Онцифоръ с Матфѣемъ (Матфей Варфоломеевич Козка. – П. Л.) созвони вѣце у святѣи Софѣи, а Федоръ и Ондръшко другое созвониша на Ярославли дворѣ...»⁹⁰. В Новгороде произошёл раскол, и собрались два вечевых собрания: одно у Софийского собора, второе – на Ярославовом дворе. Оба были собраны при помощи колокольного звона. Ни в том, ни в другом случае вечевой колокол, впрочем, не упоминается. Речь может идти об обычных храмовых колоколах.

Под 1346/7 г.⁹¹ летопись рассказывает о том, как новгородцы «позвониша вѣче и убиша Дворяниньца посадника на вѣцѣ...»⁹². Новгородцы созывают вече самостоятельно, место собрания неизвестно, поэтому нельзя сказать, колокол какого храма использовался. Можно предположить, что, как и в большинстве случаев, «по умолчанию» подразумевается Ярославов двор и Никольская церковь.

В 1376 г.⁹³ новгородцы собрались на вече для того, чтобы позвать обратно в Новгород ушедшего в Деревяницкий монастырь архиепископа Алексия. В МЛС⁹⁴ о созыве веча говорится так: «...Новгородци съзвониша вѣче и събрашася на Ярославль двор...»⁹⁵. В НПЛ мл., однако, упоминания о колокольном звоне нет: «И новгородци сташа вѣцемъ на Ярославли дворѣ...»⁹⁶. Очевидно, вариант МЛС – это позднейшая интерпретация.

В рассказах некоторых летописей о разгроме ордынским ханом Тохтамышем Москвы в 1382 г. упоминается вече. Наиболее ранний рассказ об этом читается в Рог. и Сим. и, по-видимому, читался в Тр.⁹⁷ Вече, однако, там не упоминается. Появляется оно в следующем, с точки зрения летописной генеалогии, повествовании, восходящем к НСС. Пространный рассказ НСС о нашествии Тохтамыша основывался на более кратком изложении, отразившемся в Рог.-Сим., но при этом его автор «ввёл в рассказ... ряд важных фактических данных»⁹⁸, которые вполне могут быть достоверными. В кратком же рассказе Рог.-Сим., по замечанию исследователя, как раз преобладает риторика⁹⁹. Складывается впечатление, что его автор сознательно замалчивал внут-

---

⁹⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 356.

⁹¹ О хронологии см.: *Бережков Н. Г. Хронология...* С. 297.

⁹² ПСРЛ. Т. III. С. 358–359.

⁹³ О дате см.: *Бережков Н. Г. Хронология...* С. 292.

⁹⁴ В МЛС об этом событии говорится под 6884 г. от «сотворения мира»; в НПЛ мл. – под 6883 г., но само сообщение относится к самому началу следующего, 6884 г. (*Бережков Н. Г. Хронология...* С. 292).

⁹⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 192.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. III. Стб. 373.

⁹⁷ См.: *Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства.* СПб., 1994. С. 28–29.

⁹⁸ *Лурье Я. С. Две истории Руси...* С. 29.

⁹⁹ Там же.

ренный конфликт в Москве, из его слов в принципе непонятно, куда и почему пропали из Москвы все руководящие лица, и каким образом сопротивление возглавил литовский князь Остей¹⁰⁰. Фигура умолчания вполне объяснима. Рассказ Рог.-Сим. восходил, по-видимому, к общерусскому летописному своду, тесно связанному с митрополитом Киприаном и его окружением¹⁰¹. Роль же Киприана в событиях 1382 г. была, мягко говоря, двусмысленной.

Летописи новгородско-софийской группы с явным осуждением говорят о действиях москвичей: «...гражаньстии людие възмятошася и възскольбашася, яко пьяни: ови седѣти хотяху, затворившеся въ градѣ, а друзии бѣжати помышляяху... И створиша вече, позвониша во вся колоколы, и възсташа вечемъ народи мятежници, недобрїи чловѣци, людие крамолници...»¹⁰². Таков рассказ НІV, то же самое читается и в СІ, с той лишь разницей, что вместо «въсташа вечемъ» там сказано «сташа суймом»¹⁰³. В тексте прямо сказано, что вече собирается по звону всех колоколов. Очевидно, имеются в виду все колокола как минимум кремлёвских храмов, что чётко указывает на отсутствие в Москве специального вечевого колокола (или колоколов). Использовалось то, что было «под рукой». Между прочим, это известие показывает, как в принципе могли собираться на вече люди и в тех городах, где вечевой колокол был. Вероятно, начинали звонить в него, а услышав его звон, начинали звонить в обычные колокола по всему городу, и люди собирались к обычному месту собраний.

Под 1384 г.¹⁰⁴ в НІV в рассказе о междоусобице в Новгороде сообщается о двух параллельных вечевых собраниях жителей Софийской и Торговой сторон: «И стояху Славлянь по князи и съзвониша вече на Ярославли дворѣ по 2 недѣли, а здѣсе и на сѣи сторонѣ три конци другое вече ставиша, по двѣ же недѣли, у святѣи Софѣи...»¹⁰⁵. Жители Славенского конца, согласно летописи, сходятся на вече на Ярославов двор по звону колокола. В НПЛ мл. читаем, впрочем, другое: «...и стаху славлянь по князи, и поставиша вѣце на Ярославль дворѣ, а другое вѣце у святѣи Софѣи...»¹⁰⁶. Таким образом, упоминание о звоне может быть интерпретацией книжника XV в.

Недавно С. В. Полеховым в одном из ганзейских документов, который датируется концом XIV – началом XV в., было обнаружено упоминание о вече в Полоцке. Между полочанами и немецкими купцами возник конфликт из-за взвешивания соли, в результате полочане «созвонили вече» и ввели на нём ограничения при покупке соли у немцев

¹⁰⁰ См.: ПСРЛ. Т. XV. Стб. 144; XVIII. С. 132.

¹⁰¹ См.: Лурье Я. С. Две истории Руси... С. 57–61.

¹⁰² ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 328–329. См. также НК-2: ПСРЛ. Т. XLII. С. 145.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 473–474.

¹⁰⁴ О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология... С. 291.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 340.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 379.

(hebbet se en dinch ghesclage(n))¹⁰⁷. Как уже говорилось выше, выражение «en dinc sla[ge]n» могло подразумевать созыв собрания с помощью колокольного звона. То, что в Полоцке вече собиралось по звону колокола, подтверждается более поздними летописными данными. Во 2-м летописном своде Великого княжества Литовского, созданном в 20-е гг. XVI в.¹⁰⁸, в его легендарной части, посвящённой ранней истории Литвы, содержится рассказ о том, что некий князь литовского происхождения Борис-Гинвил, когда правил в Полоцке, «был ласкав на подданных своих» и дал им «волности и вѣчо мѣти и в звон звонити», в результате чего «мужи полочане» «вечом справовалися, яко Великии Новгород и Пѣсков»¹⁰⁹. Рассказ легендарен, но он не оставляет сомнений в том, что западнорусские книжники начала XVI в., прекрасно знали, что в Полоцке вече собиралось по звону колокола. Возможно, что в Полоцке существовал и специальный вечевой колокол (о чём вроде бы свидетельствует сопоставление с Новгородом и Псковом), но неизвестно, в какое время он появился.

В 1388 г.¹¹⁰ в Новгороде три конца Софийской стороны «въсташа... на посадника Есифа Захарьинича, и звонивше вѣче у святѣи Софѣи, и поидоша на дворъ его, акы рать силная...»¹¹¹. Вечники сходятся по звону колокола (колоколов) Софийского собора на площадь около него, что вполне понятно, так как в собрании участвовали только жители Софийской стороны. Ярославов двор контролировался их противниками с противоположной Торговой стороны.

Ю. Гранберг считает, что новгородский вечевой колокол прямо упоминается только дважды: под 1456 и 1478 гг.¹¹² Однако под 1456 г. сообщается, что новгородцы «начаша звонити въ вѣчныи колокол» «по обычею ... своему»¹¹³. Для того чтобы сложился обычай, требуется время, причём, скорее всего, довольно значительное. И здесь стоит обратиться к упоминанию вечевых колоколов в «Задонщине», которое не было учтено Ю. Гранбергом¹¹⁴. Это упоминание есть и в краткой, и в пространной редакции памятника:

---

¹⁰⁷ Latvijas valsts vēstures arhīvs, f. 673, apr. 4 (K-18), Nr. 111. За возможность ознакомиться с копией этого неопубликованного документа и сведения по его датировке благодарю С. В. Полехова.

¹⁰⁸ См. об этом: *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў. Мінск, 1969. С. 155–156.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. XXXV. С. 130. См. также: С. 147, 175, 216.

¹¹⁰ О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 300.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. III. С. 382.

¹¹² *Granberg J.* Veche in the Chronicles... P. 193.

¹¹³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 275.

¹¹⁴ В английской, «пространной», версии его монографии «Задонщина» вообще не упоминается, в более краткой (но отчасти и дополненной) появилось примечание от редакции (Т. В. Гимон и Е. А. Мельникова) со ссылкой на это свидетельство (*Гранберг Ю.* Вече в древнерусских письменных источниках... С. 130, сноска), но в авторском тексте Ю. Гранберга оно не учтено и не проанализировано.

Краткая редакция по Кирилло-Белозерскому списку	Пространная редакция по Синодальному списку	Пространная редакция по списку Ундольского	Пространная редакция по списку ГИМ
«Кони ржут на Москвѣ, бубны бьютъ на Коломнѣ, трубы трубятъ в Серпуховѣ, звенитъ слава по всеи земли Русьской, чюдно стязи стоять у Дону великого, пашутся хоригови берчати, свѣтятся калантыри злачены, звонятъ колоколи вѣчнии в Великом в Новѣгородѣ» ¹¹⁵ .	«Кони рзуть но Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но Коламне, звинит слава по всеи земли Рускои, чудно стези стояти у великого Дону на берези, звонят вечныя колоколы в Великом Новегороде» ¹¹⁶ .	«На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всеи земли Рускои, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезѣ, звонятъ в колоколы вѣчныя в Вѣликом Новегороде» ¹¹⁷ .	«На Москвѣ кони рьжут, звенит слава руская по всеи земли Рускои, трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпоховѣ, стоят стязи у Дону у великого на бреси, звонят колоколы вечныя в Великом Новѣгородѣ» ¹¹⁸ .

Относительно датировки «Задонщины» высказывались разные мнения, но наиболее аргументированным остаётся вывод М. Н. Тихомирова, дополненный и развитый впоследствии другими исследователями, прежде всего В. А. Кучкиным, – о том, что это произведение могло быть создано «по горячим следам» Куликовской битвы. В пользу ранней датировки говорят конкретные факты: упоминания как крупнейших центров Торнова (Тырнова), захваченного турками в 1393 г. и Орнача (Ургенча), завоёванного Тимуром в 1388 г.¹¹⁹ Суждения авторов, не соглашавшихся с ранней датировкой, основаны преимущественно на общих соображениях и не выглядят поэтому убедитель-

¹¹⁵ Памятники Куликовского цикла / Гл. ред. Б. А. Рыбаков, ред. В. А. Кучкин. СПб., 1998 (далее – ПКЦ). С. 89.

¹¹⁶ ПКЦ. С. 98.

¹¹⁷ ПКЦ. С. 113.

¹¹⁸ ПКЦ. С. 127.

¹¹⁹ См.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1992 [1947]. С. 164–166; Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 6–7; Кучкин В. А. К датировке Задонщины // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985 (А. А. Зимин отмечает, что впервые аргумент об упоминании Тырнова был приведён в неопубликованной диссертации А. И. Никифорова (Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 69, сноска).

ными¹²⁰. Теоретически, впрочем, нельзя полностью исключать, конечно, и возможности появления этих упоминаний и в гораздо более позднем тексте, как это предполагает М. А. Шибаетв¹²¹, но такое толкование представляется более сложным, чем аргументация сторонников ранней датировки.

Если датировка «Задонщины» 80-ми гг. XIV в. верна, то мы имеем дело с самым ранним упоминанием новгородского вечевого колокола, точнее, вечевых колоколов.

Откуда в тексте множественное число? В остальных упоминаниях вечевой колокол в Новгороде – один. В продолжении НВ по Академическому и Голицынскому спискам упомянуты, впрочем, вечевые колокола (во множественном числе) во Пскове: «...князь великий Василей Ивановичь всея Руси... послѣ Крещения ходилъ въ Псковъ, да Псковъ взялъ, а вѣче порушилъ, и колоколы вѣчные на Москву велѣлъ свести...»¹²². Текст этот достаточно ранний, восходящий, по-видимому, к своду 1513 г., в котором были сведены воедино новгородские и московские известия¹²³. В то же время в псковских летописях в повествованиях о ликвидации псковской самостоятельности однозначно и недвусмысленно говорится об *одном* вечевом колоколе во Пскове¹²⁴. Контекст этих известий (как и упоминание вечевого колокола во Владимире-на-Клязьме) не оставляет сомнений в том, что наименование колокола «вѣчным» подразумевало то, что это мог быть только совершенно определённый, единственный в своём роде, символический объект (о чём подробнее будет говориться ниже). Поэтому упоминание вечевых колоколов во множественном числе в Академическом и Голицынском списках НВ, вероятнее всего, следует признать позднейшим искажением.

Что касается «Задонщины», то здесь, по-видимому, появление множественного числа вызвано чисто литературными, стилистическими обстоятельствами. В «Слове о полку Игореве», которое было использовано автором «Задонщины», говорится: «Комони ржуть за Сулою – звенить слава въ Киевѣ – трубы трубятъ въ Новѣградъ – стоять стязи въ Путивль»¹²⁵. В «Задонщине» трубы трубят в Коломне, а в Новгороде

---

¹²⁰ См., например: *Зимин А. А.* Слово... С. 69; *Лурье Я. С.* Две истории Руси... С. 64, примеч.; *Лурье Я. С.* Россия древняя и Россия новая (Избранное). СПб., 1997. С. 144.

¹²¹ См.: *Шибаетв М. А.* «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // *Очерки феодальной России.* М., 2003. Вып. 7. С. 45.

¹²² ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 469 (Академический список). См.: *Там же.* С. 461 (Голицынский список). Ю. Гранберг, опираясь на чтение Голицынского списка «вече спустилъ», предполагает, что под этим выражением подразумевается спуск вечевого колокола (*Granberg J.* *Veche in the Chronicles...* P. 195). Обращение к Академическому списку, в последних статьях которого (за 1506–1510 гг.) протограф продолжений обоих списков – свод 1513 г. – отразился в более первоначальном виде (см.: *Новикова О. Л.* Новгородские летописи начала XVI в. Текстологическое исследование // *Новгородский исторический сборник.* СПб., 2003. [Вып.] 9 (19). С. 234–235), показывает, что в Голицынском списке – просто индивидуальное ошибочное чтение.

¹²³ *Новикова О. Л.* Новгородские летописи... С. 233.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 94–95; Вып. 2. С. 256.

¹²⁵ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 11.

звонят в «колоколы вѣчныя». Не исключено, между прочим, что автор «Задонщины» не понял, что в его источнике имелся в виду Новгород Северский, для него Новгородом был, конечно, «по умолчанию» Великий Новгород. Для сохранения поэтического ритма и общей стилистики было необходимо сохранить и множественное число, отсюда, скорее всего, и «колоколы вѣчныя».

В высшей степени показательно, как трактуют соотношение данных фрагментов сторонники «скептического» взгляда на «Слово». А. А. Зимин пишет: «Вместо естественного звона *вечевого колокола* (курсив мой. – П. Л.) в Новгороде (теперь это по смыслу Новгород-Северский) трубят в трубы (почему – остаётся непонятным)...»¹²⁶. Звон вечевого колокола – дело, и правда, вполне естественное, но вечевого колокола в «Задонщине» нет, есть *вечевые колокола*. Откуда взялось множественное число, А. А. Зимин не объясняет. Это обстоятельство прошло мимо внимания исследователя.

Другой «скептик», Э. Кинан, разбирая соотношение соответствующих фрагментов, просто утверждает, что все упоминания в «Задонщине» «Москвы и северных городов (Коломны, Серпухова) заменены упоминаниями “киевских” городов, которые все фигурируют в рассказе Ипатьевской летописи 1185 г.». Ниже он пишет, что выражение «Задонщины» «в бубни бьют» было опущено в «Слове», так как автор XVIII в. ошибочно счёл его «недостаточно древним или славянским»¹²⁷. О Новгороде и вечевых колоколах – ни слова. Куда и почему делись они при переработке «Задонщины» в «Слово», из чего исходит Э. Кинан? Почему, безусловно, общеизвестный уже в конце XVIII в. (когда, по мысли историка, было написано «Слово») символ новгородской вольности, вечевого колокола был устранён автором этого времени? Почему, наконец, в «Задонщине» множественное число? На все эти вопросы Э. Кинан ответов не даёт.

Разумеется, сказанное выше не означает, что – если абстрагироваться от вопроса о соотношении «Слова» и «Задонщины» в целом – предположения «скептиков» о соотношении конкретно этих фрагментов невозможны теоретически. Однако вывод о первичности «Слова» на этом участке представляется значительно более естественным и логичным¹²⁸.

В 1418 г. в Новгороде произошло т. н. «восстание Степанка». В ходе него, согласно НПЛ, «народ», услышав, что Степанко «изимань

¹²⁶ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 113.

¹²⁷ Keenan E. L. Josef Dobrovský and the Origins of the *Igor' Tale*. Cambridge, Mass., 2003 (Harvard Series in Ukrainian Studies). P. 222.

¹²⁸ Ср. также соображения А. В. Соловьёва об утрате ритма в этом фрагменте «Задонщины» из-за прибавления новых фраз (Соловьёв А. В. «Комони ржуть за Сулою» // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. XXIII. С. 333–334). Эти соображения А. А. Зимин квалифицирует как «чисто вкусовой» подход (Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 112). Однако числовые соотношения слогов и слов, о которых писал А. В. Соловьёв, – это литературный факт, а не «вкусовой подход» (вне зависимости от того, как решать проблему соотношения памятников в целом).

бысть», «начаша звонити на Ярославли дворъ вѣче, и собирахуся людии множество, кричаху, вопиюще по многы дни...»¹²⁹. Вече созывают по звону колокола (колоколов) сами его участники на Ярославовом дворе. Можно думать, что в любом случае был задействован колокол Никольского храма. Прямо вечевой колокол или вечевые колокола не упомянуты.

Ниже в той же летописи говорится, что жители Торговой стороны, опасаясь нападения на них стороны Софийской, «начаша звонити по всему граду»¹³⁰. Звонили явно во все колокола, но речь здесь идёт не о созыве веча, а о сборе ополчения для отражения противников.

В марте 1440 г. в Смоленске, который входил тогда в состав Великого княжества Литовского, произошло восстание, направленное против воеводы Андрея Саковича, видимо, спровоцированное убийством в Троках великого князя Сигизмунда Кейстутовича¹³¹. Об этих событиях сохранились известия трёх т. н. сводах Великого княжества Литовского, которые имеет смысл привести здесь.

1-й свод (по Супрасльскому списку)	2-й свод (по списку Красинского)	3-й свод (по «Хронике Быховца»)
«И по Велице дни на святой недели в среду здумаша смолняне, черныя люди, кузнеци, кожемяки, перешевники, мясьники, котельники пана Андрѣя согнати силою с города, а целование переступили, и наредилися во изброй и со луками, и со стрелами, и с косами, и зъ секѣрами, и зазвонили в колокол» ¹³² .	«И по Вѣлицѣ дни на святой недели в среду здумали чорныя люди смолняне раду собѣ, кузнецы, кожемяки, шевчики, мясьники, котельники пана Андрѣя сослати силою з города, а присягу свою переступили. И нарядилися в зброи, с сулицами и со стрѣлами, и с косами, и с сокирами, и зазвонили в колокол ратный» ¹³³ .	«У po welice na swiatoy nedeli w seredu zdumali smolnianie [cz]ornyi ludiye, kuznecy, kożomiaki, pereszewniki, miasniki, kotelniki, Andreja siłoju sosłaty z horoda, a prysiahu prestupity, y naradylisia wo zbroi so sulicami y so strełami, y z kosami, y so siekierami, y zazwonili wo zwon» ¹³⁴ .

В белорусско-литовских летописях, восходящих ко 2-му своду ВКЛ, смольняне в ходе восстания звонят в «колокол (или звон) ратный». Если в последнем слове предполагать ошибку и понимать «рат-

¹²⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 409.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 410. В НІВ читается более пространный рассказ о «восстании Степанка», но применительно к созыву веча отличий от версии НПЛ нет (см.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 421–422).

¹³¹ Подробнее о событиях 1440 г. см. новейшее исследование: *Полехов С. В.* Смоленское восстание 1440 г. // Исторический вѣстникъ. 2014. Т. VII [154]. Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв.

¹³² ПСРЛ. Т. XXXV. С. 60.

¹³³ ПСРЛ. Т. XXXV. С. 143.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. XXXII. С. 158.

ный» не как ратный, т. е. зовущий на рать, а как «радный», т. е. имеющий отношение к «раде» – коллегиальному органу власти¹³⁵; тогда можно было бы думать о том, что здесь подразумевается вечевой колокол. В таком случае это было бы первое упоминание вечевого колокола. Однако 2-й свод ВКЛ датируется 20-ми гг. XVI в., а в более раннем 1-м своде (как и в 3-м, испытавшем влияние со стороны 1-го)¹³⁶ эпитет «ратный» отсутствует. Кроме того, упоминания «радного колокола» вроде бы неизвестны в западнорусском регионе¹³⁷, зато известно выражение «звони ратнии», с таким объяснением: «...то ест назначоныи до войны для приступу, ктвалтовного, всюды на мурах позавешат»¹³⁸. Таким образом, об упоминании вечевого колокола в данном случае говорить не приходится.

В 1-м своде говорится, что восставшие просто «ззвонили в колокол», не упомянуто прямо и собрание («рада»), хотя о нём можно догадываться, исходя из указания на то, что смольняне сначала «здумаша», а затем перешли к решительным действиям. Понятно, что «здумать» и отказаться от присяги они могли только на каком-то собрании. Таким собранием рядовых горожан, ремесленников, могло быть только вече.

Итак, в наиболее раннем тексте, повествующем о событиях 1440 г., прямого указания на вечевой колокол нет. Соответствующий эпитет мог появиться в качестве интерпретации *ex post*. Вряд ли стоит придавать большое значение тому, что, согласно прямому смыслу этого известия, смольняне вроде бы сначала собрались, а потому уже стали звонить в колокол. Летопись – это нарративный источник, а не протокол заседания, где последовательность событий должна быть передана абсолютно точно. Кроме того, события могли развиваться так: сначала собралась некая группа заговорщиков, договорилась о дальнейших действиях, ззвонила в колокол (то ли в специальный вечевой, то ли в обычный церковный) и созвала основную массу «чёрных людей».

Под 1456 г., как уже говорилось, новгородский вечевой колокол впервые прямо упомянут в летописании. В МЛС говорится, что после поражения новгородского войска в сражении с войском московского великого князя Василия II новгородцы, прибежав в город «[п]о обычею же своему начаша звонити въ вѣчныи колокол и снидесея весь град на вѣче то, посадники и тысяцкие и прочии вси людие, и не умѣюще, что молвити, но смутишася и восколебашесе, яко пьяны, инь инаа глаголаше»¹³⁹. Ю. Гранберг придаёт большое значение тому, что упоминание вечевого колокола отсутствует в новгородском рассказе о событиях

---

¹³⁵ Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 2009. Вып. 29. С. 432–433.

¹³⁶ В. А. Чемерицкий датирует 1-й свод 1446 г., а 3-й (предположительно) – второй половиной 50-х гг. XVI в. (*Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісы... С. 122–126, 183*). О влиянии на 3-й свод не только 2-го, но и 1-го см.: Там же. С. 165–168.

¹³⁷ См.: Гістарычны слоўнік... Вып. 29. С. 439.

¹³⁸ См.: Гістарычны слоўнік... Мінск, 2010. Вып. 30. С. 25–26.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 275.

1456 г., которое наиболее полно представлено в ЛА¹⁴⁰, однако там вообще ничего не говорится о внутренних распрях в Новгороде¹⁴¹. И это вполне понятно, учитывая, что новгородским владычным летописцам вряд ли было приятно – в условиях жёсткого противостояния с Москвой – подробно описывать «смуты» и «колебания» в своём городе. Во всяком случае, ничего удивительного в подобном умолчании нет. С другой стороны, МЛС – это московский великокняжеский летописный свод 1479 г. Трудно себе представить, что летописец, живший через чуть более, чем 20 лет после описываемых событий, выдумал – неизвестно, с какой целью – такую специфическую реалию, как вечевой колокол. Свидетельство МЛС, думается, вполне достоверно.

Итак, в Новгороде в 1456 г. существовал колокол, служивший специально для созыва веча. В то же время нет абсолютно никаких оснований считать, что наличие вечевого колокола подразумевало существование особого здания для такого колокола, как думает Ю. Гранберг¹⁴². Ничто не мешало одному из церковных колоколов считаться вечевым и использоваться не только для церковных нужд, но и для созыва собраний (в пользу чего говорит и рассмотренное выше сообщение о вечевом колоколе на Успенском соборе Владимира-на-Клязьме). Интереснее другое. Контекст известия в МЛС не позволяет однозначно утверждать, что в это время в Новгороде был *только один* вечевой колокол. Теоретически вполне можно допустить, что в 1456 г. звонили в один вечевой колокол, а другой (другие) просто не были задействованы.

В 1477–1478 гг. происходило окончательное подчинение Новгорода к Москве. Поскольку последовательного новгородского рассказа об этих событиях не сохранилось, первостепенное значение имеют московское и псковское повествования. В обоих говорится о вывозе из Новгорода вечевого колокола. В МЛС читаем, что в декабре 1477 г.¹⁴³ московский наместник в Новгороде князь И. Ю. Патрикеев заявил новгородцам, передавая слова великого князя Ивана III: «...ино наше государство великих князья таково: вечно колоколу въ отчинѣ нашей в Новѣгородѣ не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати ... как у нас в Низовской землѣ...»¹⁴⁴. Ниже в той же летописи говорится о выполнении этого требования: «Мѣсяца марта 5 [1478 г.] на Москву приеде князь велики в четверток на 5 недѣли поста, а после себя велѣл князь велики из Новагорода и колокол их вечной привести на Москву, и привезен бысть, и вознесли его на колокольницу на площади и с прочими колоколы звонити»¹⁴⁵.

---

¹⁴⁰ Granberg J. Veche in the Chronicles... P. 193, 197.

¹⁴¹ См.: ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194–196.

¹⁴² Granberg J. Veche in the Chronicles... P. 197.

¹⁴³ Судя по распределению хронологических указаний 6986 г. от «сотворения мира» в МЛС – сентябрьский, следовательно, декабрь 6986 г. соответствует декабрю 1477 г. от Р. Х.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 318.

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 323.

В Псковской 2-й летописи о снятии вечевое колокола говорится в контексте рассказа о согласии новгородцев принять московские требования. Новгородцы целовали крест, «что не быти в Великомъ Новѣ-городе ни посаднику, ни тысяцкому, ни вечю не быти; и вечны колокол свезоша на Москву»¹⁴⁶.

Выше уже говорилось, что требование о снятии вечевое колокола как важнейшее требование, предъявленное Иваном III новгородцам, ясно свидетельствует о том, что это был к тому времени символ новгородской вольности. Именно поэтому – как вполне справедливо и считается обычно – московский великий князь так стремился вечевой колокол снять и увезти из Новгорода¹⁴⁷. «Новаторская» трактовка этого вопроса Ю. Гранбергом, который сомневается в реальном существовании вечевое колокола как определённого объекта, представляется совершенно искусственной и противоречащей показаниям источников. Из них вполне однозначно следует, что в то время в Новгороде был *один* колокол, считавшийся вечевым. Если бы таких колоколов было два и более, ничто не мешало бы москвичам отобрать у новгородцев все такие колокола. С другой стороны, если бы определение «вечный» было бы какой-то условностью и, в принципе, любой церковный колокол мог использоваться в качестве вечевое, тогда действия москвичей вообще не поддаются объяснению. Зачем в таком случае нужно было снимать какие-то колокола? Традиционная точка зрения в данном случае представляется вполне оправданной, а акция Ивана III оказывается схожей с упоминавшимися уже действиями английского короля Эдуарда I в отношении Скунского камня.

В связи с этим и известие 1456 г. следует, по-видимому, трактовать как свидетельство об *одном* вечевом колоколе в Новгороде, а самым ранним таким свидетельством считать упоминание о «колоколах вечных» в «Задонщине» (если датировка памятника М. Н. Тихомирова – В. А. Кучкина верна). В ней, как уже говорилось выше, множественное число, скорее всего, объясняется чисто литературно-стилистическими причинами. Хотя, конечно, нельзя полностью исключать и того, что представления о вечевых колоколах могли с конца XIV в. измениться: может быть, тогда и не один колокол мог считаться вечевым.

Где находился новгородский вечевой колокол, сказать сложно. Наиболее очевидными «кандидатами» являются Софийский и Николо-Дворищенский храмы, поскольку именно там собиралось вече. В известиях 1456 и 1477–78 гг. не говорится о том, где проходили эти вечевые собрания и где висел колокол. «Задонщина» вроде бы свидетельствует в пользу Софии. После слов «звонять колоколи вѣчнии в Великом в Новѣгородѣ» в краткой редакции памятника читаем: «Стоять мужи наугородци у святыа Софии, а ркучи такову жалобу: “Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспѣти”»¹⁴⁸. В Про-

---

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 58.

¹⁴⁷ Granberg J. Veche in the Chronicles... P. 195–197.

¹⁴⁸ ПКЦ. С. 89.

странной редакции эта фраза также читается, но после неё идёт несколько нелогичное «оптимистическое» продолжение: оказывается, что новгородцы всё-таки выступили на помощь московским князьям¹⁴⁹.

Для нас, однако, существенно то, что, если следовать буквальному смыслу «Задонщины», оказывается, что вечевой колокол, скорее всего, был колоколом Софийского собора, раз люди на его звук собирались к этому храму. Надо, однако, учитывать, что мы имеем дело с художественным, поэтическим произведением, причём написанном не в Новгороде. Автор «Задонщины» мог знать, что главный храм Новгорода св. София, и в Новгороде есть вечевой колокол. И мог их связать. В действительности, «кандидатура» Никольской церкви гораздо более вероятна. Вече в XIV–XV вв., как правило, собиралось на Ярославом (княжом) дворе, что получило отражение не только в летописных нарративах, но и в актовом материале, и в ганзейских источниках. В новгородских грамотах в XV в. появляется формула принятия решений: «На вечь на Ярославль дворъ»¹⁵⁰ (в средненижнемецкой грамоте: «in deme dinghe uppe Iresloven hove»¹⁵¹). В 1331 г. во время конфликта с немецкими купцами новгородцы пришли «все вместе, вооружившись, и с развёрнутыми знамёнами на вече на княжеский двор» (weren de meunen Naugarder komen alto male wapent, vnn mit vp ghe recheden banuren in dat dinc vppe des konighes houe)¹⁵². Вече у Софийского собора в таких источниках не упоминается **ни разу**. Там, впрочем, вече тоже собиралось, как мы узнаём из летописей. Однако это были обычно собрания, связанные с церковными нуждами (прежде всего, для избрания архиепископа), которые проходили после литургии в Софийском соборе – для созыва людей на неё вечевой колокол был, естественно, не нужен. Это могло быть также отдельное вече Софийской стороны, которое собиралось во время конфликта между новгородцами, когда Ярослав двор оказывался «занятым» вечниками с противоположной, Торговой стороны. В ситуации конфликта, когда по обе стороны Волхова концентрировались противостоявшие друг другу толпы, жители Софийской стороны и так понимали, куда идти на вече, и специальный вечевой колокол был не нужен – было вполне достаточно обычных колоколов св. Софии.

Псковское вече также созывалось с помощью колокольного звона.

В 1480 г. псковские посадники «вече звонили» после того, как стало известно, что «местеровы люди да арцыбискупли», т. е. ливонцы, взяли псковскую крепость Вышегородок. Прибывшие во Псков гонцы воззвали: «господа псквычи, городокъ Немцы взяли»¹⁵³. Вече было со-

---

¹⁴⁹ Там же. С. 98, 113, 127. О вторичности и несоответствии фактам этого дополнения см.: *Шубаев М. А.* «Задонщина»... С. 38–39.

¹⁵⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949 (далее – ГВНП). С. 38, 146, 151, 152, 154, 156.

¹⁵¹ ГВНП. С. 113. См. также: С. 109.

¹⁵² РЛА. № 75. С. 56.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 219.

звано с помощью колокольного звона по инициативе посадников, но о вечевом колоколе в этом известии ничего не говорится.

Выше уже говорилось вкратце о том, как снятие псковского вечевго колокола в 1510 г. изображалось в продолжениях НГВ. Однако наиболее подробный и, вероятно, достоверный рассказ сохранился в псковском летописании. Присланный во Псков московский дьяк Третьяк Далматов по приказу великого князя Василия III потребовал на вече у псковичей, «чтобы у вас вечья не было да и колокол бы вѣчно сняли...»¹⁵⁴. На следующий день, также на вече, псковичи отвечали московскому посланнику: «...нынѣча богъ волен да государь в своей отчине и дѣдинѣ во граде Пскове и в нас и в колоколе нашем...»¹⁵⁵. В результате колокол был снят: «...генваря въ 13 день спустиша колокол вѣчно у святыхъ Троица, и начаша псковичи, на колокол смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли...»¹⁵⁶. Речь идёт исключительно об *одном* вечевом колоколе, который сами псковичи называют «нашим», и который – в соответствующем контексте – может выступать вообще без определения. Это был, очевидно, колокол Троицкого собора, так что, в отличие от Новгорода, применительно ко Пскову этот объект можно уверенно локализовать. Выясняется также, что псковский вечевой колокол представлял собой несомненный символ, причём символизировал он вполне конкретные вещи: во-первых, «старину», т. е. традиционную политико-правовую систему Псковской республики; во-вторых, «волю», т. е. автономию Пскова по отношению к великому князю и вольности псковичей. Именно поэтому псковичи плакали, смотря на увозимый колокол, – и не потому, что теряли некий важный или ценный артефакт, а потому, что он был символом их государства, символом «старини» и «воли».

Любопытно, что другое свидетельство псковского летописания кажется Ю. Гранбергу «очень сильным аргументом» против представления о том, что вече было политическим институтом¹⁵⁷. Речь идёт об известии под 1518 г., которое, напротив, наряду с известием под 1510 г., по нашему мнению, является самым убедительным подтверждением «институционального» статуса псковского вечевского колокола.

Интересующее нас известие сохранилось в двух вариантах: в Псковской 1-й и Псковской 3-й летописях (далее – соответственно П и ПП). Поскольку лежавшие в основе этих летописей своды 1547 г. и 1567 г. восходят к общему источнику с теми или иными искажениями и сокращениями, отразившемуся в обеих летописях (причём это касается и конкретно статьи под 1518 г.)¹⁵⁸, нужно привести оба варианта:

---

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 255.

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 256.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ *Granberg J. Veche in the Chronicles...* P. 198.

¹⁵⁸ См.: *Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003 [1946]. С. 16–17.*

П I	П III
<p>«Тоя же весны в великий пость присла князь великий к живона- чальней Троицы большой коло- кол, гдѣ вечевои был; а преже того незамного прислал меншии колокол в корсуньского мѣста, что на сѣни в него звонили, как вечеъ было»¹⁵⁹.</p>	<p>«Тогда поставиша ... колоколь святей Троицы Краснои, а преже того и в Корсуньского мѣсто веч- ника прислал князь великеи Васи- леи Иоанович другои коло- коль...»¹⁶⁰.</p>

В историографии это известие трактовалось по-разному. Ещё А. И. Никитский полагал, что во Пскове было два вечевых колокола: «большой вечник» и «меньшой, или Корсунский вечник»¹⁶¹. И. К. Лабутина исходит из того, что вече собиралось «рядом с сенями, на которых висел малый вечевои колокол»¹⁶². Следовательно, должен был существовать и большой вечевои колокол. Ю. Гранберг, в свою очередь, не согласен с теорией «двух вечевых колоколов»; по его мнению, «великий князь вряд ли бы послал замену колоколу, использовавшемуся для созыва “республиканского” института», и речь, вероятно, идёт об обычном церковном колоколе¹⁶³.

Ю. Гранберг в связи с этим рассуждает о высокой вероятности того, что как во Пскове, так и в Новгороде вече созывалось по звону обычного церковного колокола, и не существовало какого-то специального вечевои колокола, который бы использовался только с этой целью¹⁶⁴. Нового, однако, в этом нет. Ещё А. И. Никитский в работе, опубликованной в 1873 г., писал, что во Пскове вече собиралось по звону «одного из колоколов» храма св. Троицы¹⁶⁵, из чего не следует (и А. И. Никитский, естественно, такого вывода не делал), что такой церковный колокол не мог считаться вечевои. А. И. Никитский также обратил внимание на события Смутного времени, когда во время борьбы в мае–августе 1609 г. во Пскове между сторонниками Василия Шуйского и Лжедмитрия II и т. н. «восстания меньших людей» «звонили в одинъ край в колокол, и соберутся всякие люди»¹⁶⁶. Звон в один край – это

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 100.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 226.

¹⁶¹ *Никитский А.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 132.

¹⁶² *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М., 2011. С. 182.

¹⁶³ *Granberg J.* Veche in the Chronicles... P. 196.

¹⁶⁴ *Granberg J.* Veche in the Chronicles... P. 196–197.

¹⁶⁵ *Никитский А.* Очерк внутренней истории... С. 132.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 272. О ситуации во Пскове в это время см.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995 [1937]. С. 240–

звон с помощью раскачивания языка колокола и ударов им в один из его краёв. По мнению А. И. Никитского, и «на вече звонили в один край колокола, следовательно часто и похоже на простой набатный звон»¹⁶⁷. Конечно, нельзя отождествлять вече начала XVI в. и соборы псковичей Смутного времени, но общее между обеими ситуациями есть: это созыв политического (а не церковного) собрания горожан с помощью колокольного звона.

Можно предположить тем самым, что для созыва псковского вече использовался обычный церковный колокол, вероятно, самый большой; при этом звонили в него особенным образом – так что каждый потенциальный участник собрания мог понять, что его приглашают именно на вече, а не на церковную службу.

Возвращаясь непосредственно к известию 1518 г., следует отметить, прежде всего, что теория двух вечевых колоколов – «большого» и «меньшого» – неосновательна. Согласно П I Василий III прислал во Псков большой колокол вместо увезённого по его приказу вечевого колокола, а ранее прислал колокол меньшего размера вместо Корсунского. Таким образом, «большой» и «малый» колокола были колоколами московскими, а не псковскими, и к вече отношения не имели.

Идёт ли, однако, речь о двух псковских вечевых колоколах или об одном? Сообщение П I можно понимать и так, и так. Теоретически, собственно вечевой колокол и Корсунский колокол «что на сѣни в него звонили, как вече было» могли быть разными колоколами, заменёнными Москвой в разное время на два своих колокола – соответственно большой и малый. Но могло быть и иначе. Речь может идти не о двух, а об одном колоколе – вечевом Корсунском, вместо которого сначала прислали из Москвы малый колокол, а затем – более или менее равноценную замену, «большой» колокол. П III свидетельствует в пользу второго варианта. Там прямо сказано, что вечевым колоколом («вечником») был как раз Корсунский, после изъятия которого во Псков были последовательно присланы сначала «другой» колокол, а потом – «Красный».

Это известие важно и тем, что оно позволяет более точно локализовать псковский вечевой колокол. Он находился на «сенях» и при этом «у Троицы», т. е. относился к Троицкому собору. И. К. Лабутина, специально занимавшаяся исторической топографией Пскова, допускает два варианта решения: сени могли быть частью церковного здания (судя по значению слова «сени» – крыльцом, помещением между крыльцом и основной частью здания – притвором, крытой галереей); или отдельно стоящим зданием, расположенном на возвышенном основании неподалёку от храма¹⁶⁸. Первое решение кажется более предпочтительным, поскольку и в 1510, и в 1518 гг. вечевой колокол однозначно

244; Аракчеев В. А. Псковский край в XV–XVII вв.: Общество и государство. СПб., 2003. С. 175–182.

¹⁶⁷ Никитский А. Очерк внутренней истории... С. 132.

¹⁶⁸ Лабутина И. К. Историческая топография Пскова... С. 183.

связывается с Троицким храмом, и только это может объяснить замену колоколов по инициативе великого князя московского. Если бы сени с вечевым колоколом были бы чисто «республиканским» артефактом, типа вечевого ступени, не было бы никакого смысла в такой замене: отменены сами отношения, отпадает необходимость в их материальном воплощении. Другое дело, если (как в данном случае вполне справедливо предполагает Ю. Гранберг) вечевого колокол одновременно использовался как колокол Троицкого собора, причём, вероятно, как колокол самый значимый, большой, звонкий – потому что только такой колокол можно было услышать на сколько-то серьёзном отдалении от вечевого площади, находившейся, по-видимому, на «буевище» с южной стороны храма¹⁶⁹. Задача московских властей состояла в том, чтобы уничтожить псковские вольности и их главное проявление – вече, в т. ч. с помощью символической акции по изъятию вечевого колокола. Однако в их планы явно не входило лишить Псков вообще колоколов, даже больших и звонких, которые могли бы быть успешно использованы для созыва людей на богослужения в большом городе. Только так, думается, можно объяснить происходившие во Пскове в 1510–1518 гг. манипуляции с колоколами.

Этот обзор касается только данных о русских вечевых колоколах. Перспективными представляются сравнительные наблюдения. М. Ф. Мурьянов, как уже говорилось, отметил параллели русским вечевым колоколам в южнославянских (далматинских) средневековых «республиках», таких, как Котор, Дубровник, Раб¹⁷⁰. Сами эти параллели должны быть подробно изучены, а их круг, возможно, – расширен. Тем не менее, и имеющиеся данные позволяют сделать определённые выводы.

И традиционные представления о вечевых колоколах, сформировавшиеся во второй половине XIX – начале XX в., и их «ревизионистская» критика имеют существенные изъяны. Для первых характерно игнорирование эволюции: вечевого колокол появляется в готовом виде как бы из ничего, подобно рождению Афродиты из пены морской. Для второй – истолкование данных источников *pro domo sua*, т. е. так, как это удобно для иллюстрации априорной концепции, а не так, как того требуют принципы исторической критики и формальной логики.

Вплоть до конца XIV в. особых вечевых колоколов не существовало (во всяком случае, о них нет никаких данных). С другой стороны, нет свидетельств о том, что вече могло собираться каким-либо другим способом, а не с помощью колокольного звона. Это, между тем, вполне естественно, поскольку такой, например, способ созыва собраний, как рассылка глашатаев, был значительно более трудоёмким, длительным и затратным. Понятно, что даже теоретически он мог использоваться редко. Практически же примеров созыва веча таким способом у нас нет. Первые же известия, в которых содержится информация о созыве веча,

---

¹⁶⁹ См.: Лабутина И. К. Историческая топография Пскова... С. 179.

¹⁷⁰ Мурьянов М. Ф. «Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде»... С. 939.

свидетельствуют о том, что для этого использовались колокола, но, по-видимому, колокола обычные, выделявшиеся среди других церковных колоколов только, вероятно, своими размерами и звучностью. Использование такого способа созыва веча, как колокольный звон, косвенно указывает также на мыслимую численность участников собрания. С одной стороны, звук колокола (особенно с учётом отсутствия высотной застройки и транспортных шумов) мог быть слышен на значительном расстоянии (например, в современном Великом Новгороде небольшие колокола, находящиеся на небольшой колокольне церкви св. апостола Филиппа слышны без посторонних шумов в кремле – т. е. на расстоянии около 1 км). С другой – за пределами средневекового города услышать колокольный звон было невозможно, на это, очевидно, и не рассчитывали.

В конце XIV – середине XV в. (тут многое зависит от датировки «Задонщины») в Новгороде, а потом во Пскове определённые колокола начинают характеризоваться как вечевые и приобретают значение республиканских символов. Эти колокола, по-видимому, были единственными в своём роде. Такую эволюцию следует, как представляется, рассматривать как одно из проявлений шедшего в XIV–XV вв. в республиках Северо-Запада Руси процесса институционализации органов власти и, в частности, веча. Возможно, о том же свидетельствуют отмеченные выше примеры правки в летописных текстах выражений более ранних источников, типа «созвапа веча», на выражения, типа «созвониша веча». Это может говорить о том, что созыв веча с помощью вечевого колокола стал само собой разумеющимся. Возможно также, что подобный процесс происходил также в Западной Руси: в Полоцке и Смоленске, но данных об этом пока мало.

Поэтому история вечевых колоколов – тема весьма важная. На этом примере хорошо видно, что республиканский строй Новгорода и Пскова в последний период существования этих «политий» отнюдь не переживал перманентный кризис, как это иногда считалось в историографии, а, наоборот, интенсивно развивался – в направлении большей определённости, большей законченности, большей сложности республиканских институтов. В то же время на этом же примере видно, что этот процесс был ещё далёк от своего завершения. Вечевые колокола были ещё как бы «квазисимволами»: их изображения не использовались в официальной документации, их нет на монетах и печатях. Наконец, они по-прежнему имели, вероятно, двойное назначение, т. е. использовались и для политических, и для церковных нужд. Формального институционального значения они так и не приобрели, играя роль символов, скорее, в общественном сознании, чем в политико-правовой сфере. Тем не менее, их символическое значение было весьма велико, с чем и связано было стремление Москвы их изъять, и, с другой стороны, горечь утративших свой вечевой колокол псковичей.

Попутно удалось осветить некоторые любопытные детали. Прежде всего, это, во-первых, выявление отсутствия реальных данных о

созыве веча не с помощью колокола; во-вторых, уяснение причин появления множественного числа «колоколи вѣчнии» в «Задонщине».

Остаётся, впрочем, и немало неизвестного.

У нас нет данных о том, как созывалось вече во многих древнерусских городах, где такие собрания в источниках зафиксированы. Это относится, в первую очередь, к Киеву. Единственное известие, имеющее хотя бы косвенное отношение к проблеме, – это сообщение Ип. о вече 1147 г.¹⁷¹, закончившемся убийством свергнутого ранее князя Игоря Ольговича. Созыв веча инициировал князь Изяслав Мстиславич, который «посла Киеву к брату своему Володимиру [Мстиславичу] ... и къ митрополиту Климови и къ Лазореви тысячкому, и рече имъ: “Созовите Кияны на дворъ къ святѣи Софѣи...”». Кияном же всимъ съшедшимся от мала и до велика к святѣи Софѣи на дворъ, вѣставшем же имъ въ вѣчи, и рече имъ Изяславль посоль...»¹⁷². В Лавр. об этом сказано несколько иначе: «Изяслав... посла к брату Кыеву к Володимеру и к Лазареви к тысячскому 2 мужа, Добрынку и Радила, рекъ: “Брате, ѣди к митрополиту и съзови Кыяны всѣ...”». И ѣха Володимеръ к митрополиту, повабя Кыяны. И придоша Кыянь много множество народа, и съдоша у святое Софѣи [слышати/слышети – Радзивиловская, А]»¹⁷³. Киевлян созывают представлявший Изяслава в Киеве его брат Владимир Мстиславич, митрополит Климент Смолятич и тысяцкий Лазарь. Однако как именно они созывали киевлян, ничего не говорится. Они могли как разослать глашатаев, так и приказать звонить в колокол (колокола).

Нет прямых данных, благодаря которым можно было бы определённо локализовать вечевой колокол в Новгороде. Лишь косвенные указания позволяют предполагать, что он находился на Ярославовом дворе.

Кроме того, как уже говорилось, самое раннее упоминание вечевого колокола относится не к «республиканскому» Северо-Западу Руси, а к «княжескому» Северо-Востоку. Тут, впрочем, могут быть предложены разные интерпретации, поставлены разные вопросы и даны разные ответы. Из-за недостатка данных мы не знаем, что собой представляло вече во Владимире-на-Клязьме в XIV в. и какую оно роль там играло. Может быть, это наименование носило пережиточный характер, появившись раньше, в XII–XIII вв., когда, как уже говорилось, есть свидетельства о политических собраниях владимирских горожан. Нельзя исключать и того, что эта терминология и зародилась на Северо-Востоке, и только потом она была перенесена в Новгород, а оттуда – во Псков. Впрочем, всё это уже относится к области не твёрдо установленных фактов и даже не гипотез, а догадок.

---

¹⁷¹ О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 147.

¹⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 347–348.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 316.